

ЦЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ

(интервью с членом-корреспондентом РАН
Н.И.Лапиным)

Беседа с Николаем Ивановичем Лапиным, членом-корреспондентом Российской академии наук, профессором, доктором философских наук записана на заседании Студенческого научного клуба Института социальной инженерии МГУДТ в ноябре 1999 г. Беседу провели доктор философских наук, профессор Ю.М.Резник и студенты-участники Клуба. Она проникнута чувством ответственности за преемственность в развитии социологического знания, связь поколений в науке, что осознается Н.И.Лапиным и как объективная необходимость, и как собственная внутренняя потребность.

Расскажите о своем творческом пути. Как и почему Вы стали ученым?

Это сложный вопрос. Видимо, повлияло сочетание внутренних интенций и внешних, случайных факторов. Я 1931 года рождения, рос в трудное время, военные и первые послевоенные годы, в эвакуации учился в сельской школе. До сих пор не могу забыть ту тяжелую повседневную жизнь Центральной России, – Ярославской области. Может быть, и поэтому довольно рано у меня появился интерес к реальной жизни, к получению той информации, в которой эта жизнь отражалась – к газетам, радио и т.д. А с возрастом пришел к убеждению, что такого рода изучение должно включать два взаимосвязанных аспекта: во-первых, эмпирический, то есть идти от фактов, а во-вторых, теоретический, то есть выходить на некоторые обобщения. Значимость именно второго аспекта побудила меня поступить на философский факультет, хотя в то время я имел возможность любого выбора, поскольку закончил московскую школу с золотой медалью.

У нас преподавали В.Ф.Асмус, В.В.Соколов и многие другие известные профессора. Со мной на курсе учились М.К.Мамардашвили (с которым мы позднее работали в журнале «Вопросы философии»),

Р.М.Титаренко (затем – Горбачева), Ф.Т.Михайлов, И.К.Пантин, на 1-2 курса старше – Б.А.Грушин, И.Т.Фролов, Ю.Карякин, еще чуть старше – Э.В.Ильенков, А.А.Зиновьев...

С третьего курса начал писать работы исследовательского, научного характера (1952-1953 гг.) Дипломную работу я написал на тему «Диалектика базиса и надстройки в советском обществе». Уже там используя значительный конкретно-исторический материал. Однако, когда решался вопрос о приеме в аспирантуру, то в деканате засомневались, что такая тема «проходима»: диалектика – это всегда противоречие, следовательно, вопрос в работе должен ставиться о противоречиях в советском обществе. Разумеется, тему не утвердили, и предложили обратиться к историко-философской проблематике.

Помню, пришел на кафедру истории зарубежной философии к проф. Т.И.Ойзерману. Вопросы, которые я поставил как тему дальнейших исследований, звучали следующим образом: Каким образом К.Маркс пришел от гегелевской философии к той новой системе идей, которая затем получила наименование «марксизм»? Что его побудило? Какие общественные и личные обстоятельства? Каков был механизм перехода? Каким образом шло становление мировоззрения?

Я пришел к выводу, что этот процесс в значительной мере был неосознан самим Марксом. Идея «неосознанности становления марксизма ее основоположниками» – это довольно-таки нетривиальная идея, тем более с точки зрения ее публикации в условиях советской марксистской идеологии. Тем не менее, это получилось, поскольку работа была выполнена на конкретном материале, тщательно. Чтобы войти в контекст, я проштудировал всю «Рейнскую газету» (К.Маркс был ее редактором), изучал труды И.Канта, И.Фихте, Г.Гегеля, А.Смита, Дж.Милля, словом, всех, на кого он ссылался. Таким образом на изучение десятилетней марксовой биографии я потратил свои 15 лет. Книга «Молодой Маркс» выдержала 11 изданий, три русских, остальные в зарубежных странах. В докторскую диссертацию вошла лишь часть первоначального варианта работы – «какие-то» 850 страниц.

Следующий этап моей творческой деятельности связан с работой в журнале «Вопросы философии». Работа в научном журнале – это огромная и теоретическая, и практическая школа.

Затем работа в Соцэргизе («Мысль»), выпускали серии «Философское наследие» (произведения классиков философии) и «Мыслители прошлого» (карманные издания о классиках философии). Я возглавлял редакцию литературы по истории философии (1962-1966 гг.), которая в эти годы выпустила первые 25 томов «наследия» (в прошлом году вышел 100-й том). Для всех в редакции это было очень важной вехой в научной биографии: мы впервые делали многие переводы, постарались, чтобы первым вышел том «Древнеиндийская философия», издавали русских немарксистских философов, например, П.Л.Лаврова.

1964-1965 гг. были периодом становления советской социологии. Вышли знаковые книги В.А.Ядова и А.Г.Здравомыслова «Человек и его работа» и двухтомник под ред. Г.В.Осипова «Социология в СССР».

В 1966 г. я сделал резкий поворот от философского наследия в сторону социологии, перейдя к Г.В.Осипову в сектор «Новых форм труда и быта» Института философии РАН. Тогда в секторе насчитывалось 28 человек, через полтора года он вырос в отдел численностью 120 человек. Мы переместились в подвал на Писцовой улице. Это был самый счастливый период институционализации советской социологии. Его апогеем стало создание Института конкретных социальных исследований (ИКСИ АН СССР).

Первое мое и моих молодых коллег эмпирическое исследование было посвящено теме «Роль поощрений и наказаний в первичном производственном коллективе». Исследование проводилось на Подольском механическом заводе (бывший «Зингер») по производству швейных машин. При разработке методики мы опирались на книгу Я.Моренко «Социометрия». Социометрические интервью провели в 25 бригадах по 30-40 человек в каждой..

Каковы основные этапы и наиболее важные события Вашей профессиональной деятельности?

Их было довольно много. Основными этапами и событиями своей профессиональной жизни я считаю крупные реализованные проекты – это 10 эмпирических исследований, которые были мною задуманы и осуществлены под моим руководством.

После исследования поощрений и наказаний мы работали в 1968-72 гг. над проектом «Социальная организация промышленного

предприятия». Основная проблема, которая нас интересовала, – соотношение планируемых и спонтанных процессов на предприятии. Это была первая постановка данной проблемы, достаточно рискованная (с точки зрения необходимого утверждения в отделах ЦК). Программа этого исследования включала 15 отдельных эмпирических обследований, и ее описание занимало три тома. В нем участвовало много известных ныне социологов – Н.Ф.Наумова, А.И.Пригожин, В.Б.Ольшанский и др.

К примеру, одно из исследований проекта посвящалось социальному планированию на промышленных предприятиях. В его основе лежал анализ лучших планов социального развития предприятий, присланных по нашему запросу «для пропаганды опыта» примерно из тридцати министерств, в том числе из Министерства легкой промышленности. Нам прислали около трехсот планов, из которых как минимум сто оказались ни на что не годными, еще сто средненькими, а остальные сто были очень даже неплохие. На основе анализа этих ста лучших планов мы с Н.Ф.Наумовой и Э.М.Коржовой написали книгу «Теория и практика социального планирования». Анализ планов социального развития здесь сопровождается изложением теории социальной организации промышленного предприятия, рассматриваются структура, процессы социальной организации и другие проблемы.

В этот же период я занимался и другими интересными проблемами, например, в 1968 году в журнале «Социальные исследования» (предтеча «Социологических исследований») вышла моя статья «Проблема неформальной группы в индустриальной социологии». Стоило большого труда доказать, что «неформалы» – это не обязательно диссиденты, что этот термин следует принять как научную социологическую категорию.

Далее следует назвать два исследования, начатые в Институте проблем управления, автоматике и телемеханики, реализованные затем в Институте системного анализа – «Социологические проблемы нововведений», или «Социальная инноватика» (уже в 1974 году были введены эти термины) и «Социологические и философские проблемы моделирования глобального развития».

Работа по инновациям имела продолжение. По заказу Комитета по научно-технической политике Совета Экономической Взаим-

мопомощи в 1982-1984 гг. было проведено исследование социальных аспектов развития и применения микропроцессорной техники в 14 странах – членах СЭВ.

Второй проект осуществлялся в рамках большой программы, возглавляемой Д.М.Гвишиани – «Моделирование глобального развития», в которой участвовало более ста человек, в том числе много математиков. Была создана оригинальная саморазвивающаяся система моделирования (под руководством В.А.Геловани). Поскольку одним из полученных результатов стал вывод о том, что отставание СССР от США с 1978 по 2005 год удвоится, что было совершенно неприемлемо, то, к сожалению, работа не была доведена до конца. По исследованию в целом был подготовлен доклад в ЮНЕСКО (издана книга под редакцией Д.М.Гвишиани и Ф.Майора), по социально-философским проблемам – серия сборников «Социальные проблемы моделирования глобального развития».

Следующий важный для меня этап – создание в 1989 году Российского общества социологов (РОС). До этого существовали социологические ассоциации всех союзных республик, кроме РСФСР. Первой задачей, за решение которой взялся РОС, была организация и проведение репрезентативного исследования по проблеме ценностей в масштабах Российской Федерации (это было первое всероссийское репрезентативное исследование).

На самом деле за этой темой стояла более широкая проблема эмпирического исследования общего кризиса, который уже охватил советское общество. Проблема кризиса была в центре этого исследования, а ценности рассматривались как его конкретные проявления, которые мы могли фиксировать. Первые результаты были опубликованы в 1990 г. в «Вестнике Академии наук СССР», в моей статье «Тотальное отчуждение человека и общий кризис раннего социализма».

Всероссийские эмпирические исследования были проведены в 1990, 1994 и 1998 годах по сходной методике, полностью повторяя основной ценностный блок, чтобы обеспечить сопоставимость получаемых данных. В нашей базе данных накопилось около 5000 заполненных бланков интервью (план интервью включал 120 вопросов, и интервью в среднем занимало полтора часа). В настоящее

время реализуется четвертый этап исследования, связанный с обобщением всех полученных результатов.

Результатами этих исследований стали вышедшие под моей редакцией книги «Кризисный социум» (1994 г., всего 500 экземпляров) и «Динамика ценностей населения реформируемой России» (1996 г.), а также большая моя статья «Тяжкие годы России», открывавшая первый номер журнала «Мир России. Социология. Этнология. Культурология», который начал издаваться с 1992 г.

Вы и философ, и социолог. Какая из двух составляющих для Вас более важна?

С теоретической точки зрения мне очень важна социальная философия, а с практической – 90% исследований и 100% моей педагогической деятельности занимает социология. Социология обеспечивает эмпирическую базу для любых теоретических построений, поэтому важны они для меня одинаково.

С кем из Ваших соавторов у вас сложился наиболее благодетельный и долговременный творческий союз?

Я практически никогда не писал в соавторстве. Конечно в период работы в журнале «Вопросы философии» мы писали редакционные статьи совместно с М.К.Мамардашвили, И.В.Блаубергом, Н.Б.Биккениным и некоторыми другими, однако это нельзя считать научным, авторским текстом. Я сотрудничаю со своими коллегами в различных коллективных монографиях, но пишу свои главы сам.

Кого Вы считаете своими непосредственными последователями и соратниками?

Трудно выделить кого-то как непосредственного последователя. Как научный руководитель я подготовил около 40 кандидатов наук, консультировал около 20 докторских диссертаций (реже как оппонент).

Можно ли говорить, что у Вас есть своя научная школа?

Скорее не научная школа, а ряд научных направлений в отечественной социологии, у истоков которых я стоял. Среди них социология организаций, социология управления, социология инноватики, социальные проблемы глобального моделирования, социология кризиса (исследование ценностей и норм кризисного социума), исследование социокультурной трансформации России.

На самом деле имеет значение тот «незримый колледж», с которым каждый из исследователей или группа исследователей себя идентифицирует. Это – те значимые для нас крупнейшие исследователи, классики социальной мысли, чей вклад в развитие науки, ее теории и методологии, мы считаем существенным. Во всем мире одной из наиболее авторитетных и влиятельных фигур в этом незримом колледже является К.Маркс. Признавать его вклад еще не значит быть марксистом. Тем не менее работы К.Маркса и марксистская литература представлены в любой западной университетской библиотеке.

Когда можно будет увидеть Ваш авторский учебник по социологии?

К сожалению, несмотря на то, что я уже добрый десяток лет веду курс лекций на социологическом факультете МГУ и в других вузах, авторский учебник по социологии мною еще не написан. Как раз сейчас я работаю над учебником по общей социологии. Я пытаюсь реализовать социокультурный подход к предмету.

Именно социокультурный подход считаю на сегодняшний день достаточно эффективным методологическим подходом. Он связан, прежде всего, с именами М.Вебера, П.А.Сорокина, Т.Парсонса. Что он означает? Выделяются две «ипостаси» общества: культура (как совокупность способов и результатов деятельности) и социальность (как отношения между людьми в процессе этой деятельности), которые существуют взаимосвязано, но не могут быть сведены друг к другу или выведены друг из друга. Их соотношение определяет конкретно-исторический облик общества.

Еще один предмет, который меня интересует и с научной точки зрения, и с точки зрения преподавания социологии, – это поиск того уровня социальности, который позволяет социологически (а не социально-философски) описать «общество в целом», т.е. переходя от социальных институтов и групп к целостной характеристике общества на социетальном уровне. Для этого необходимо определить круг понятий, которые бы описывали функции и структуры общества как социокультурной системы. Структурно-функциональный анализ, беря за основу категорию социального действия, на мой взгляд, наиболее близко подошел к решению проблемы, но он универсализирует свое представление о функциях сис-

темы действия, не выявляет специфику общества по сравнению с другими социальными системами.

Поэтому необходимо продолжать развивать структурный анализ, определяя функции, характерные для разных уровней организации общества, в том числе для общества в целом. То есть следует установить соответствие между социальными функциями, структурами, посредством которых они осуществляются, и соответствующими процессами. Эти структуры я называю социетально-функциональными, а процессы – социетальными. Они существуют именно на уровне общества как целого и отличаются от функций и процессов на уровне социальной организации или человечества в целом.

Приведите, пожалуйста, самые яркие результаты проводимых Вами исследований.

К числу ярких я отнес бы следующие два, полученные в ходе исследования ценностей, причем оба они не просто яркие, а были подтверждены тремя опросами.

В ходе исследования мы фиксировали 14 базовых ценностей (из 30-50 ценностей, которые можно считать базовыми). Их можно разделить на две группы: половина – это *терминальные ценности* (они характеризуют цели и идеалы: такие как «свобода», «жизнь» и т.д.), а остальные – *инструментальные*, которые выступают как средства по отношению к терминальным ценностям и представляют собой некоторые качества – «инициативность», «честность» и др. По степени одобрения респондентами они (ценности) делятся на четыре отчетливо выраженных слоя: ценностное ядро (разделяемое большинством опрошенных), «балансирующий» (между первой и третьей группами) резерв, оппозиционный слой (ценности, разделяемые значимым меньшинством) и конфликтотенная периферия (явное меньшинство разделяет их).

Важным результатом мы считаем устойчивость этих четырех слоев (проверенных исследованиями в 1990, и в 1994, и в 1998 году) несмотря на все события – распад Советского Союза, кризисы политические и экономические.

Второй значимый результат связан с анализом процессов, происходящих в «конфликтотенной периферии». Значимые здесь ценности – «власть» и «вольность». Эти две ценности вообще не

представляют интерес для 70 % населения. Более того, власть оценивается как «грязное дело, не совместимое со спокойной совестью». Приоритет названным двум ценностям отдают 18-22% опрошенных, однако, их позиции могут быть различными. Одна категория населения стремится во власть, а другая группа предпочитает игнорирование любой власти, закона, стремится к неограниченной вседозволенности. И 5% в этой конфликтной периферии стремятся во власть ради вседозволенности, которую эта власть должна им обеспечить.

Антитезой им выступает стремление к «порядку», это приоритетная ценность для выделенного нами ядра общества, она устойчиво лидирует на протяжении всех десяти лет. Подчеркну, и в 1990 году респонденты отвечали, что порядка нет (сравнивая с 70-80-ми годами, хотя и тогда порядка не было по сравнению со сталинским периодом). Действительно, по данным эмпирических исследований, управляемость в 80-х годах по сравнению с 50-ми годами снизилась на 50%, а в годы перестройки – еще на 25%.

В ценностное ядро входит также семья как основное пристанище человека в этом беспокойном мире. Это место, где он отдыхает душой, где получает утешение, находит поддержку. Интересно, что оценка важности этой ценности не зависит от наличия у респондента семьи.

На третьем месте – такая ценность как «общение», высокая оценка которой очень характерна именно для россиян.

Существуют также различия в том, насколько полно те или иные слои населения осваивают («присваивают») ценностное поле. Если выделить крайние позиции, то «сильные» (физически, психологически, с точки зрения волевых качеств) слои пытаются освоить все ценностное пространство, включая «власть» и «власть ради вседозволенности», делая эти ценности «своими». «Слабые» социальные слои – дети, инвалиды – осваивают только фрагменты системы ценностей, в основном ее ядро.

Можно ли средствами традиционной социологии изучать ценностные ориентации, системы мышления и используете ли Вы качественные методы?

Можно, мы это и делаем. Качественные методы, такие как нарративные, интервью и т.п., я чаще использовал в своих первых исследованиях, где того требовали особенности решаемых задач. На самом деле, мне кажется, что противопоставление количественных и качественных методов преувеличено искусственно. Чисто количественных и чисто качественных исследований в социологии немного. Метод выбирается в зависимости от того, что вы хотите исследовать.

Если посмотреть шире на эту проблему, то, видимо, было бы полезно как можно больше публиковать материалы эмпирических исследований, в том числе, что очень важно, переводы классических крупных зарубежных эмпирических исследований, необходимо изучать историю эмпирической социологии в мире. Это позволило бы молодым исследователям обоснованно выбирать методы анализа, избегать многих ошибок, зачастую повторяющихся.

Удалось ли Вам проникнуть в глубины коллективного бессознательного российских людей?

Эмпирически пока нет, однако, есть кое-какие теоретические разработки.

Я считаю одной из насущных проблему десоциализации личности в толпе: что происходит с человеком с социологической, а не только с психологической точки зрения. Я исхожу из того, что большинство процессов симметричны и каждый имеет свою противоположность, в том числе и процесс социализации.

На уровне описаний известно, что в толпе человек часто начинает действовать неожиданным для себя образом, бессознательно, «не помня себя». Думается, что подобное поведение можно объяснить процессом десоциализации, т.е. утраты многих социальных качеств, цивилизованных ценностей и норм поведения, которые человек приобретает как член общества в ходе социализации. В таком состоянии индивид открыт влияниям всякого рода вождей и лидеров, которые непосредственно управляют его личной позицией, оценкой, волей, его поведением.

То же, наверно, происходит в обществе в кризисной ситуации, когда имеет место ослабление социальных связей, норм и всплывают архаические нормы и ценности, в том числе этническая архаика.

Что представляет собой в ментальном плане современный российский человек?

Довольно сложный вопрос, который должен быть предметом тщательного исследования и никогда не будет исчерпан. Могу высказать здесь только самые общие свои идеи по этому поводу. Я думаю, что в менталитете российского человека наблюдается драматичный баланс разнородных элементов, культур, в том числе западной и восточной. Поэтому наша цивилизация и имеет трудную судьбу, что вся ее история связана с поиском этого баланса. Возможны взаимопроникновения, но не синтез или конвергенция культур. Сохраняется самобытность и самостоятельность пути каждой из цивилизаций, Запада и Востока. Хотя разнообразие культур – это позитивный фактор, без которого невозможно развитие.

Допускаете ли вы наличие морально-этических ограничений в исследовании социокультурных явлений, препятствующих прямому вторжению в духовную жизнь людей?

Да, обязательно. Этический кодекс российского социолога, который принят Российским обществом социологов, включает целый ряд правил, в основе которых известное правило «не навреди» – не навреди респонденту, объекту исследования. Обязательным условием является сохранение тайны ответов, интервью, анкет. Нельзя задавать вопросы, которые могут обидеть опрашиваемых. Правило «не навреди» очень важно при применении различного рода игротехник, где создается стрессовая ситуация, и необходимо предусматривать возможные варианты снятия этого стресса, в том числе с помощью психологов.

Какой в социальном, политическом, культурном, экономическом отношениях будет Россия в XXI веке?

Я бы и сам очень хотел знать, какой она будет. Этому посвящен тот проект, который мы сейчас реализуем – «Тенденции социокультурной трансформации России в 90-е годы», поскольку прогноз зависит от определения того этапа кризиса, который мы сейчас переживаем. В динамике любого кризиса можно выделить следующие

щие фазы: первая – дестабилизационная, вторая – остро конфликтная, вплоть до вооруженных столкновений, третья – разрешающая. Россия прошла дестабилизационную стадию, связанную с распадом Советского Союза и последующими изменениями, пережила и острый кризис. Вопрос состоит в том, вступает ли она в стадию разрешения кризиса. Возможны три варианта ответов: 1) еще не вступила, 2) на грани вступления, 3) уже вступила. Чтобы ответить, нужно разработать систему эмпирических индикаторов для каждой из стадий и провести исследование, которое бы определило их присутствие или отсутствие. По моей оценке, Россия сейчас находится в начальной фазе разрешения кризиса, однако, этот процесс обратим, как, впрочем, и любой другой социальный процесс.

Что Вы думаете о преемственности в социологии, в социальной науке сегодня? Нет ли у Вас ощущения некоторого «разрыва» поколений, когда «никто не дышит в спину»?

Сложившаяся ситуация меня действительно беспокоит. Я считаю, чтобы воздействовать на нее, нужно преподавать, вовлекать в исследования молодежь. Чем теснее будет совмещаться учебный процесс с исследовательским, тем будет лучше. Мне кажется, что сейчас перспективы намного благоприятнее, чем в середине 60-х годов, когда в стране не было ни одного профессионально образованного социолога (первый факультет социологии создан в МГУ только в 1989 году). Меня радует возникновение социологических факультетов в таких вузах, как Институт социальной инженерии МГУДТ, радуют интересные курсовые и дипломные работы, которые пишут сегодняшние студенты-социологи, растет и число диссертаций по социологии. Эти процессы вселяют все-таки оптимизм и уверенность в будущем. Может быть молодежь, увлеченная социологией, вновь повернется лицом к научным знаниям. А мы должны помочь ей.

Знаете, какой лозунг социального инженера? «Кто уклоняется от работы, тот ищет причины, а кто хочет действовать, тот ищет способы». Нужно и теоретически, и методологически быть готовыми к тому, что в XXI веке возрастет спрос на социологические исследования, на социальное планирование и социальное проектирование, возможно, это обнаружится уже в первом десятилетии.